

ВСЕЛЕННАЯ ФАНТАСТИКИ

ПУТЕШЕСТВИЕ В 2000 ГОД ТУДА И ОБРАТНО; ИЛИ ПОЛЕТ ВО ВРЕМЕНИ

УИЛЬЯМ КУК

Вселенная фантастики

Уильям Кук

**Путешествие в 2000 год туда и
обратно; или Полет во времени**

«Автор»

2026

Уильям Кук

Путешествие в 2000 год туда и обратно; или Полет во времени /
Уильям Кук — «Автор», 2026 — (Вселенная фантастики)

Перед вами любопытный и во многом недооценённый роман начала XX века, впервые опубликованный в 1903 году. «Путешествие в 2000 год туда и обратно; или Полёт во времени» Уильяма Кука родился в эпоху, когда человечество уже стояло на пороге технического рывка, но всё ещё сохраняло наивные представления о будущем. Главный герой, философ и беглец, спасаясь от преследования, решается на отчаянный эксперимент — путешествие сквозь время. Таинственное «купе времени» переносит его на сто лет вперёд, где он надеется найти справедливость и признание. Однако будущее встречает его не только чудесами прогресса, но и знакомыми чертами человеческой природы. Это динамичное приключение, сочетающее фантазию и сатиру, ставит перед читателем вечный вопрос: способно ли время изменить человека — или оно лишь раскрывает его истинное лицо?

© Уильям Кук, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек и время	5
Глава 2. Тридцать минут отсрочки	9
Глава 3. Потерянный пассажир	13
Глава 4. Колония 1900-го года	19
Глава 5. Последний иммигрант	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Уильям Кук

Путешествие в 2000 год туда и обратно; или Полет во времени

Глава 1. Человек и время

Ламли стоял на пустынном причале Норт-Ривер и смотрел вниз, в темную воду. Всего один прыжок в воду мог положить конец всему. Почему бы не сделать это?

Он вздрогнул, поплотнее закутался в свой поношенный плащ и прислонился к одной из свай. Этот прыжок в воду казался ему единственным выходом на земле, но... он колебался.

В тот момент Неизведанная Страна представлялась ему более справедливой, чем любая другая, которую он успел изучить.

Там у него были друзья, и нигде больше. Вопрос о пропитании и одежде не был жизненно важным в этой прекрасной стране; ищейки правосудия не могли выследить его за ее пределами или увести с ее берега, чтобы подвергнуть несправедливому наказанию в мирском суде.

Час был благоприятный. Скользящие по реке огни чертили карандашные линии в поле зрения Ламли, и до его слуха, пока он топтался на самом краю, доносилось чуфы-чуфы проплывающих мимо судов и хриплые сигналы их сирен.

На мгновение он застыл на месте, а затем с протяжным, дрожащим вздохом поднялся во весь рост, раскинул руки и отступил назад.

Не то чтобы он боялся, нет, нет. Он был человеком, опередившим свое время, и позволить этой щемящей неопределенной эпохе 1900 года засосать его в свои дебри, было бы чересчур унижительно.

Если подумать, он должен и дальше жить. Другие, помимо него, тоже становились жертвами неблагоприятных обстоятельств, но в конце концов находили справедливость. Он будет терпеть свою судьбу до тех пор, пока прогрессивные идеи не пустят корни и не освободят его. Когда он повернулся, чтобы покинуть пирс, до его ушей донесся квакающий смех.

Чуть поодаль он увидел темный силуэт на фоне полумрака. Ламли замер на месте, а фигура надвигалась на него.

- Почему ты не прыгнул? - прошелестел сухой монотонный голос.

Маленький человечек - Ламли видел, что он горбун, - остановился и, задав вопрос, снова рассмеялся.

- Я не признаю за вами права на какие-либо расспросы или комментарии, - холодно ответил Ламли.

- Нет? - ответил другой невозмутимым тоном. - Признаете ли вы мое право, мистер Эверсон Ламли, протянуть вам руку помощи в критической ситуации?

Ламли вздрогнул и внимательно посмотрел на стоящего перед ним человека. За гладким лицом, острым носом и подбородком, а также за большими круглыми очками он ничего не мог разглядеть в своем собеседнике.

- Вы, кажется, знаете меня, - сказал Ламли, - но я не могу вспомнить, где я вас встречал.

- Это наша первая встреча.

- Тогда откуда вы знаете мое имя?

Снова раздался скрипучий смех карлика.

- Я знаю о вас все, и, как я уже сказал, я пришел за вами этой ночью, чтобы завязать с вами знакомство и проявить себя как друг в трудную минуту. Вы - тот самый человек, Ламли, и это тот самый час!

- Да? - неуверенно ответил Ламли.
- Несомненно. Суровые времена закона, мой друг, вплотную подступают к вам.
- Что вы имеете в виду?
- Я имею в виду, что Кинч идет по вашему следу.
- Кинч! Боже правый!

Ламли сжал руки в кулаки и бросил безумный взгляд назад, в сторону реки.

- Ты знаешь об этом? - прошептал он, снова повернувшись к горбуну.
- Я знаю больше, чем ты можешь себе представить. Пойдемте со мной, и я покажу вам, как обмануть сыщика. Откажешься от моей помощи - и до утра окажешься за решеткой.

Холодные мурашки пробежали по напряженному телу скрывающегося беглеца. Опасность, несомненно, была велика, но он не был настолько ошеломлен ею, чтобы с готовностью подчиниться загадочному горбуну.

- Кто вы такой, - с подозрением спросил Ламли, - чтобы пытаться спасти меня?
- Я верю в вашу невиновность, и это предмет моей веры, что один философ должен помогать другому, когда он может это сделать. Ха! - Незнакомый повернулся и указал на освещенную улицу у себя за спиной. - Вон Кинч... он... идет сюда. Быстрее! У тебя есть всего мгновение, чтобы принять решение. Пойдешь ли ты со мной?

- Да, да, - пробормотал Ламли. - Я пойду куда угодно и сделаю что угодно, лишь бы избежать встречи с этим человеком!

- Отлично!

Горбун подхватил Ламли под руку и вместе с ним нырнул в темноту, которая простиралась слева от них. Обходными путями они добрались до улицы и прыгнули в поджидавший их экипаж.

- Быстрее! - обратился карлик к водителю. - Ты знаешь, куда ехать.

Когда они умчались, за ними выскочил кэб, который ждал в квартале дальше по улице. Ламли выглянул через опущенное окно в верхней части двери кареты.

- Кинч преследует нас! - воскликнул он, падая обратно на сиденье.
- Пусть преследует, - самодовольно ответил другой. - Если мы доберемся до места назначения раньше него, мне все равно.
- А мне не все равно. Если он узнает, где я нахожусь, меня схватят.
- Тебя не схватят, если ты будешь делать то, что я потребую.
- И что же мне следует делать?
- Ждать, ждать. Наберись терпения.

Вскоре карета остановилась. Горбун, за которым неотступно следовал Ламли, выскочил и взбежал по ступенькам дома.

С обочины донеслось резкое "тпру!" и скрежет колес, когда за ними выскочил экипаж.

"Остановитесь!" - скомандовал голос, и с двухколесной коляски на дорожку прыгнул человек.

- Заходи, Ламли! - приказал карлик, распахивая дверцу.
- Запыхавшийся Ламли влетел в дом, а карлик закрыл и запер за ними дверь.
- Спасены! - воскликнул он.
- В смысле, спасены, - пыхтел Ламли. - Как ты думаешь, сколько времени понадобится Кинчу, чтобы выбить дверь и схватить меня?

- Возможно, он выбьет дверь, но не схватит вас, если вы будете следовать моим указаниям. Сюда, будьте добры.

Когда маленький человечек начал подниматься по лестнице, в холле появился слуга.

- Мне нужно полчаса, Честер, - обратился к нему карлик, перегнувшись через перила.
- Я понимаю, сэр, - ответил слуга.

Ламли заметил, что его собеседник, похоже, предусмотрел все пункты всеобъемлющего плана. Но времени на замечания и объяснения не было.

Через несколько мгновений Ламли и таинственный карлик оказались за очередной запертой дверью, в просторном и хорошо освещенном кабинете.

- У нас есть тридцать минут, мистер Ламли, - сказал маленький человечек, отбрасывая плащ, скрывавший его нескладную фигуру. - Присядьте и успокойтесь.

- Я, конечно, могу сесть, - сказал Ламли, опускаясь на кожаную кушетку, - но мне будет трудно успокоиться, когда этот детектив ломится к вам в дверь.

- О, Честер о нем позаботится.

- Возможно, но всего на полчаса. После этого Кинч позаботится обо мне.

- Нет, если у вас есть мужество моих убеждений.

- Не просветите ли вы меня на этот счет?

Карлик плюхнулся в кресло и, кажется, полностью погрузился в него, глядя на Ламли блестящими, прищуренными глазками.

- Скоро вы все узнаете. Начнем с того, что я доктор Келпи...

- Не доктор ли Алонзо Келпи, автор книги "Время и пространство и их ограничения"?

- Точно так и есть, - ответил известный ученый. - Вы знакомы с моей работой?

- Я могу повторить ее наизусть задом наперед.

- Ах! Тем лучше... тем лучше, мистер Эверсон Ламли. Вы действительно та самая яркая звезда, которую я искал на небосклоне случайностей. Кроме того, вы сами - искатель истины и написали тот восхитительный фолиант "Возможности подсознательного эго".

- Так и есть, доктор Келпи, - ответил Ламли, выпятив грудь и подняв голову. - Работа всей моей жизни, сэр.

- Грандиозный труд, - пробормотал доктор Келпи. - Мы оба опередили свое время.

- Без сомнения, - с чувством ответил Ламли.

- Как вы думаете, Ламли, насколько вы опережаете свое время?

- Я бы сказал, лет на сто - ответил Ламли, поразмыслив несколько минут.

- По крайней мере, не меньше, - размышлял доктор Келпи, изучая своего гостя задумчивыми полузакрытыми глазами. - Мир всегда злоупотреблял теми, чьи идеи опережали окружающий мир, Ламли. В старые времена это были дыба и винт, кол и факел; в наши более современные времена - презрение, насмешки или, возможно, сумасшедший дом. Удивляюсь, как вы вообще нашли издателя для "Возможностей подсознательного эго".

- Я издал книгу сам, - признался Ламли, и в его словах прозвучала горечь гения. - Тридцать шесть экземпляров было продано, а остальные из тиража в тысячу экземпляров я распродал частным образом.

Сгорбленная фигура в большом кресле напротив откинулась вперед.

- Мой дорогой друг, ваш свет был слишком ярок для глаз этого века! Поразительный блеск вашего подвига ослепил ваших соратников! Но какая отвага! По крайней мере, тридцать шесть экземпляров этого ценнейшего труда будут бережно храниться, и в следующем столетии памяти его автора будут воздвигнуты памятники. Книга "Время и пространство и их ограничения" была принята примерно так же. Однако, в отличие от ваших революционных идей, некоторые из моих теорий я могу продемонстрировать практически уже сейчас. Но разве я бросаю жемчуг перед свиньями, разве я демонстрирую свои знания на благо тех, кто не может их понять? Нет! Но для вас, Ламли, для вас...

Взмахнув похожей на когти рукой, бесформенное тело опустилось обратно в глубину кресла.

- Для меня... - с нетерпением прошептал Ламли.

Прежде чем доктор Келпи успел ответить, откуда-то снизу послышался треск. За этим тревожным звуком последовал топот ног по лестнице. Ламли вскочил на ноги с выражением дикого страха.

- Кинч! - потрясенно воскликнул он, - Кинч вломился в дом, он идет за мной!

Доктор Келпи тоже поднялся.

- Спокойствие, - сказал он успокаивающим тоном. - Мы с вами были бы настоящими глупцами, Ламли, если бы не смогли использовать плоды наших далеко идущих открытий в своих интересах. Этот человек, Кинч, преследует вас по всему миру, не так ли?

- Да! - пробормотал Ламли, вытирая пот со лба. - Дюжину раз он был на волосок от того, чтобы поймать меня; но никогда, никогда я не был так напряжен, как в эту минуту.

Ламли бросил на него мучительный взгляд утопающего.

- Мужайтесь, друг мой! - призвал доктор.

- Мужаться? - воскликнул Ламли. - Как я могу мужаться, когда Кинч находится в дюжине футов от меня? Вы не знаете этого человека, доктор Келпи!

- Я скажу вам, почему вы должны встретить эту опасность со спокойствием, - продолжал доктор с горящими глазами. - Хотя ваш враг находится всего в дюжине футов от вас, Ламли, скоро он будет на целое столетие позади, и вы окажетесь в безопасности.

Доктор встал и направился к двери кабинета. В его словах была убежденность, а в манере поведения - уверенность, что произвело на Ламли сильное впечатление.

- Вы имеете в виду... - запинаясь, пролепетал Ламли, смачивая языком пересохшие губы.

- Я имею в виду, что Время, всемогущее, вырвет вас из лап вашего врага. У нас есть тридцать минут. В одну треть этого времени, или в десять минут, я могу втиснуть сто лет. Подождите немного.

Когда Ламли опустился на кушетку, доктор прошел к двери.

Глава 2. Тридцать минут отсрочки

Кто-то яростно стукнул рукой по дверям.

- Откройте, - раздался властный голос, - именем закона!

- Кто вы? - поинтересовался доктор.

- Джаспер Кинч, детектив. Там у вас Эверсон Ламли, и я не уйду, пока не заберу его с собой.

- Если вы дадите мистеру Ламли тридцать минут отсрочки, - сказал доктор, - я открою дверь.

- Дом охраняется спереди и сзади, и ему бесполезно пытаться сбежать.

- Тем больше причин, чтобы вы дали нам эти тридцать минут.

Последовала короткая пауза; затем, к большому удивлению Ламли, детектив ответил:

- Хорошо; но если через тридцать минут вы не отопрете эту дверь, я ее выломаю.

- Не стоит применять насилие. Присядьте, мистер Кинч, и устраивайтесь поудобнее.

Доктор Келпи отвернулся от двери.

- Не стоит доверять Кинчу, - сказал Ламли. - Он жесткий человек, доктор, и он хитер.

- Мы максимально используем наши тридцать минут, мой дорогой Ламли.

Доктор сел, достал из кармана часы и раскрыл их на ладони.

- Почему этот человек преследует вас? - продолжил он.

- Утверждают, что я проник в банк, - ответил Ламли, - и украл пятьдесят тысяч долларов.

За мою поимку назначено вознаграждение в десять тысяч долларов, и Кинч охотится за этой наградой.

- Понятно. И вы не врывались в банк и не брали деньги?

- Боюсь, что так и было, доктор... подсознательно.

- Вот как!

- Если вы читали вторую главу моей книги, то поймете, как подсознательное "я" может быть виновно в чем угодно - в то время как реальное "я" не виновно, как новорожденный младенец.

- Это мысль, достойная двухтысячного года, если таковой вообще существует! - воскликнул доктор, потирая руки. - Я, конечно, все понимаю, и давно уже рассуждал на эту тему. Как это случилось, Ламли?

- Я проводил серию экспериментов с человеком, который называл себя моим другом, - криминологом и гипнотизером по имени Осборн. Осборн загипнотизировал мое сознание и подсознательно отправил меня в банк глубокой ночью, с дрелью и кувалдой.

- Ограбление, как я заметил из газет, прошло успешно, но меня заметил сторож и нашел несколько улик. Должно быть, я отдал деньги Осборну, потому что, когда я вышел из транса, я оказался один, и у меня не только забрали деньги из банка, но и украли мои часы, бесценную реликвию, и обобрали мой кошелек.

- Увы, бедный Ламли! - вздохнул доктор. - Я сочувствую вам, правда, сочувствую.

- С того самого часа, - продолжал Ламли горьким тоном, - я стал старательно избегать этого человека, Кинча. Теперь я без гроша в кармане, без средств к существованию и нахожусь в его власти. О, почему я тогда не прыгнул?

Ламли зарылся лицом в свой платок.

- Судьба предназначила вам еще один прыжок, Ламли, - сказал доктор, - прыжок через годы, который приведет вас в то время, когда ваша уникальная философия будет оценена по достоинству. Вы, несомненно, задаетесь вопросом, как мне удалось встретить вас в критический момент у причала на Северной реке.

- Хотелось бы, чтобы вы мне рассказали, - ответил Ламли, глядя на него снизу вверх.

- Я - любитель кристаллов, - сказал доктор, - но я развил это искусство почти до совершенства.

- В этом, - он положил руку на стеклянную сферу на столе, - я видел ваши странствия, день за днем и неделю за неделей, и в этом я также следил за Кинчем. Ночью, когда я увидел, как вы двое направляетесь к реке, я понял, что пришло время, чтобы помочь вам, если это вообще возможно. Поэтому я и разработал свой план.

- Это было очень мило с вашей стороны, и я вам благодарен.

- Оставь это, мой дорогой друг. Теперь мы подошли к важному моменту нашей беседы. Вы уже знакомы с некоторыми моими взглядами на Время и Пространство, но самое важное из моих открытий так и не было опубликовано.

- Почему?

- Я не осмелился. Ламли, для таких выдающихся мыслителей, как мы с вами, в наш вздорный век есть только тюрьмы и сумасшедшие дома.

- Верно, очень верно, - ответил Ламли, бросив взгляд на дверь кабинета.

- Однако вам, - продолжал доктор Келпи, - я могу открыться, как родственной душе. Вот в чем суть моей идеи: Мы преодолеваем пространство различными способами с помощью паровых машин, автомобилей и так далее. Почему же мы не можем преодолевать время так же, как и пространство?

- А почему бы и нет? - спросил Ламли, хотя и с некоторым недоумением.

- Я изобрел, сэр, - сказал доктор, вскакивая с кресла и расхаживая по комнате, - не что иное, как купе времени. Вы садитесь в него, я поворачиваю рычаг, нажимаю кнопку, и через две минуты вы отправляетесь в путешествие сквозь годы с молниеносной скоростью. Только подумайте!

- Потрясающе! - воскликнул Ламли.

- Мое купе - это компрессор времени, аннигилятор. Вы садитесь в тысяча девятисотом году, а выходите в двухтысячном, и ваше путешествие занимает десять минут обычного времени.

- Чудесно!

- Вы сами знаете, Ламли, - продолжал доктор, - что время эластично. Как бесконечно долг час печали, как бесконечно короток соответствующий период удовольствия.

- Да, - сказал Ламли, - одна минута Кинча равна тремстам шестидесяти секундам - могу поклясться в этом.

Доктор Келпи отошел в один конец комнаты, откинул шелковую занавеску и открыл дверь.

- Сюда, Ламли, - сказал он.

Ламли встал и последовал за ним в помещение, крытое и огороженное с трех сторон холстом. В центре комнаты стояло...

Что ж, это и было купе времени доктора. Оно действительно напоминало купе времени, и больше ничего под небесами. И все же в каком-то смысле оно было похоже на автомобиль, от которого и произошло его название. В кузове была дверь, через которую можно было попасть внутрь машины, а в двери - окно.

Колес не было. Каркас поддерживали четыре шара - жуткие, мерцающие штуки.

Серебряная полоса, круглая и много ярдов в окружности, была пропущена по диаметру под днищем купе и полностью опоясывала его. На этой полосе были изображены знаки зодиака.

- Вот! - воскликнул доктор, махнув рукой в сторону аппарата. - Вы входите в купе, я поворачиваю переключатель на цифру "2000" - нажимаю на маленькую полоску в боковой стенке купе, - а затем нажимаю на эту кнопку, - он указал на кнопку рядом с переключателем, - и через минуту шары начинают вращаться, а экваториальный круг поворачивается. Годы отсту-

пают, и вот вы достигаете двухтысячного года и становитесь на десять минут старше, чем были в начале пути.

Ламли замер как зачарованный. Он открыл рот, чтобы заговорить, но слова не шли. Доктор улыбнулся и продолжил:

- Что именно совершает это чудо, я оставляю за собой право держать в тайне, но имею честь предложить вам, Ламли, отправиться в путешествие на сто лет в моем купе времени, оставив Кинча позади себя в этом суетном тысяча девятисотом году.

- Вы будете сопровождать меня, доктор? - сумел выговорить Ламли.

На лице доктора промелькнула тень досады.

- Земные дела приковывают меня к этим привычным временам, Ламли, иначе ничто не доставило бы мне большего удовольствия. Однако вас ничто не удерживает; более того, все указывает вам путь. Вы отправитесь?

- С радостью.

- Я так и думала. Вряд ли, мой дорогой друг, вы захотите возвращаться в эти прозаические времена после того, как вкусите прелести будущего.

- Могу ли я вернуться, если захочу?

- Конечно. Купе времени работает как вперед, так и назад. Все, что нужно, - это установить индикатор на нужный год и нажать кнопку. Все остальное сделает машина.

- Я понимаю.

Доктор достал из кармана пачку бумаг.

- Для пользы науки и в качестве личного одолжения для меня, - продолжил он, - я хотел бы, чтобы вы исследовали некоторые вопросы в ту эпоху, в которую отправляетесь. Когда исследования будут завершены, напишите отчет, положите его в купе, переведите индикатор на "1900" и отправьте ответы. Вряд ли, как я уже говорил, вы захотите вернуться лично.

Доктор посмотрел на часы.

- Время отсрочки близится к концу. Вам пора отправляться в путь, Ламли.

Ламли схватил руку доктора и сердечно пожал ее.

- Я никогда не забуду вашу доброту ко мне, - сказал он с большим чувством. - До свидания, доктор.

- Прощайте, Ламли. Я уверен, что вы отправляетесь туда, где вас оценят по достоинству.

Ламли ответил, что он на это надеется, затем открыл дверь и сел в купе. Через окно он наблюдал, как доктор Келпи тронул рычаг в стене здания позади них. Мгновенно брезентовая крыша и боковые стенки откинулись, открыв взору звездное небо и сверкающий огнями город, раскинувшийся внизу. Над головой не было ничего, кроме безоблачного небесного свода.

- А теперь, - сказал доктор, стоя рядом с купе, - прежде чем я отправлю вас в грядущие годы, - не могу ли я выполнить для вас здесь какие-нибудь мелкие поручения? Последнее слово родственникам...

- Нет, - решительно ответил Ламли.

- Или друзьям?

- У меня нет друзей, - пробормотал Ламли, - кроме вас.

Доктор печально покачал головой.

- Твоя могила - в будущем, Ламли, - продолжил он. - Когда вы отправите назад купе времени с вашим письменным отчетом, я уничтожу машину - плод тридцатилетнего терпеливого исследования и труда - и построить другую будет невозможно. Завеса грядущих событий опустится за тобой, мой друг, и ты исчезнешь, как мертвец.

- Именно так я и хочу, чтобы было, - ответил Ламли, но не с печалью, а скорее с ноткой триумфа в голосе. - Пусть все думают, что это я прыгнул с пирса.

- Но Кинч знает, что я привез вас сюда. Обмануть его будет невозможно.

- Вот как! - воскликнул Ламли с внезапным трепетом. - Боюсь, доктор Келли, что я втягиваю вас в неприятности.

Доктор щелкнул тонкими пальцами.

- Это касается Кинча и всех неприятностей, которые он может мне доставить! Я обещал открыть ему дверь своего кабинета, но не обещал предоставить вас. Вы не хотите оставить последнее послание, Ламли?

- Если ваш кристальный взор когда-нибудь даст вам изображение Осборна, криминалиста, - внезапно подумал Ламли, - вы можете навести Кинча на его след. Моя месть будет полной, если я натравлю на Осборна эту ищейку закона!

- Что-то можно сделать, - пробормотал доктор, - во всяком случае, положитесь на меня, я сделаю все, что в моих силах.

- Оторваться от этого детектива таким образом - это такое счастье, какого я не испытывал уже давно! Но, - и тут самодовольство Ламли внезапно поколебалось, - вы уверены, что купе времени не сломается или не выполнит свою работу?

- Даю слово, мой дорогой Ламли. Вот увидите! Я нажму на кнопку, и через две минуты вы отправитесь в путь на годы вперед.

Как только кнопка была нажата, какой-то человек перепрыгнул через гребень холста, который лежал вдоль парапета.

- Я буду рад, если вы не сошли с ума, вы оба, - сказал он. - Последние пятнадцать минут я стоял на пожарной лестнице и слушал все эти глупости. Положите между нами сто лет, Ламли, а? Чушь!

Это был Кинч. Он продемонстрировал коварство своей натуры, а Ламли прижался к сиденью купе и в мучительном молчании ждал, что же произойдет. Кинч направился к купе.

- Назад! - крикнул доктор, шагнув ему навстречу.

- С дороги! - приказал детектив. - Хватит с меня этих глупостей.

Одной рукой он грубо оттолкнул доктора с дороги, бросился к купе и распахнул дверь.

- Наконец-то, Ламли, ты мой! - крикнул он, запрыгивая в машину. - На выход! Вон, я тебе говорю!

Он прижал к себе Ламли, и пока они боролись, купе жужжало, как большая пчела. Одновременно с этим зодиакальная полоса начала рассекать воздух, опоясывая купе огненным кольцом.

Перед глазами тех, кто находился в машине, вспыхнули разноцветные огни. Непонятные звуки отдавались в ушах, невиданные ощущения будоражили нервы, а в голове крутились вихри.

Вскинув руки к голове, Кинч попятился и опустился на сиденье рядом с Ламли.

Да, они действительно отправлялись в путь - в двухтысячный год, - но вместо того чтобы оставить Кинча, Ламли взял его с собой.

Глава 3. Потерянный пассажир

Как описать события, теснившиеся за окнами купе времени? Даже перо подсознания Ламли, погруженное в необузданное воображение и пишущее на зачарованном пергаменте, не справилось бы с этой задачей.

Вспышка сменяла вспышку со всей трепетной быстротой биографической картины; каждая вспышка - это ночь и день, и тридцать шесть тысяч пятьсот вспышек должны были уложиться в десять минут обычного времени. Это означало три тысячи шестьсот пятьдесят вспышек в минуту - более шестидесяти в секунду.

Но хватит о холодных цифрах. Войны, кровопролития, мирные времена, голод, мор, пронесшиеся мимо купе времени, отмеченные вспышками, с более долгими следами для циклов крутящегося вокруг них кольца и вращения Земного шара.

Армии создавались и терпели поражение; флоты проносились по экрану, сталкивались друг с другом в клубах дыма и исчезали из поля зрения; пожары уничтожали города, чума истребляла народы, карта мира преображалась и менялась вновь; Вулканы выбрасывали на поверхность пепел, стирая с лица земли человека и его творения в молниеносном отблеске ужаса; приливные волны затопляли страны; рушились империи; рождались республики; земля вздымалась и содрогалась в горниле конфликта, и во всем этом могучем хороводе лишь тут и там наступал краткий покой, означавший мир.

Ламли и Кинч были теми, кто видел все это, глядя в окна купе. Кинчу хватило трех минут этого зрелища.

Он перевел дух, пришел в себя и решительно перешел к делу. Он выпил что-то такое, от чего у него помутилось в голове, и в этом он был уверен.

- Тебе не удастся поколебать меня, Ламли, - закричал он, вставая. - Пойдем, ты должен выбраться из этого.

- Я иду к своей цели, - заявил Ламли.

- Не сомневайтесь, и ваш пункт назначения - тюрьма. Ты идешь?

- Нет!

Снова началась борьба, Кинч пытался поднять Ламли на ноги и проташить его в дверь.

Ламли сопротивлялся изо всех сил. Он не собирался останавливаться и перед двадцатью сотнями; там его место и туда он попадет.

Борьба становилась все ожесточеннее и ожесточеннее, и наконец потрепанный плащ Ламли поддался под хваткой детектива. Кинч кувыркнулся назад через открытую дверь купе, пронзительно вскрикнув и дико хватаясь за нее, чтобы спастись.

Тщетно. Он был поглощен нахлынувшим потоком событий, и Ламли не успел оглянуться, как понял, что его враг выбыл из игры.

"Прошло не более пяти минут, - подумал Ламли, - Кинч, вероятно, где-то в районе тысяча девятьсот пятидесятого года. Моя добрая звезда восходит - я чувствую это всеми своими фибрами".

Не следует думать, что купе времени продвигалось каким-либо образом, кроме как вперед и сквозь годы. Оно все еще находилось на стенах дома доктора Келпи, поскольку для того, чтобы совершить движение вперед во времени, машине не нужно было перемещаться в пространстве.

Из этого следует, что несчастный случай, постигший детектива, не обязательно был фатальным по своим последствиям.

Падение с поезда, мчащегося со скоростью сто миль за десять минут, закончилось бы гибелью; но падение с купе времени, проходящего через сто лет за тот же промежуток времени,

означало лишь столкновение с событиями - толчок против времени - и было более тревожным для нервов, чем для физического организма.

Будучи философом, Ламли был достаточно умен, чтобы довести этот вопрос до истинного конца.

Кинч не умер; он был жив, но на несколько поколений позже. Так что ничто в этой ситуации не могло навести уныние на ликующего Ламли или сделать его грандиозный поход в "Блаженное время" чем-то иным, кроме как экскурсией в праздник.

Через минуту-другую он снова погрузился в водоворот событий. История проносилась мимо него во всех своих фазах, и только одна вещь не могла не произвести на него впечатления.

Кровь и гром первых пяти минут становились все менее заметными. Атмосфера прояснялась, затишья повторялись все чаще, и, наконец, не осталось ничего, кроме безмятежности.

Сквозь безмятежные вспышки дня и ночи проносились диковинные вещи, которые кружили над землей, словно могучие птицы. Ах! Летательные аппараты; не дирижабли, а настоящие воздушные корабли.

Тогда Ламли понял, что он должен быть близок к двадцатому столетию. Разве не все мечтательные грошовой литературы его эпохи объединились, провозгласив летающую машину визитной карточкой 2000 года?

Едва он успел додумать эту мысль, как жужжание купе времени резко стихло, сияние экваториального кольца потухло, разноцветные огни померкли, и купе времени со своим пассажиром выбросило на блестящий пляж двадцать первого века. Ламли тяжело вздохнул и посмотрел в окно.

Было светло, и он увидел, что дом доктора Келпи сильно разрушился и теперь представлял собой не более чем руины.

Купе, разумеется, все еще стояло на крыше. В нескольких ярдах справа от машины сидел молодой человек во фланелевой рубашке и брюках, в велосипедной кепке и курил трубку из кукурузного початка.

Этот человек, до боли похожий на тех, кого Ламли оставил позади, держал на колене блокнот и что-то быстро писал огрызком карандаша. Ламли протер глаза, и холодок разочарования охватил его с головы до ног.

Неужели все же произошла ошибка? Неужели он все еще в 1900 году, а пережитое за последние десять минут - иллюзия и не более того?

Он посмотрел вниз, на крышу, под дверь, через которую пять минут назад вывалился Кинч. Нет, Кинча там не было.

Он посмотрел вверх. В воздухе кружились стремительные корабли, а город - то, что он мог разглядеть, - казался сильно изменившимся. Не оставалось сомнений, что он перенесся во времени. Но какое отношение к картине имел этот молодой человек, несомненно относящийся к 1900 году?

Очевидно, что выяснить это можно было только наведя справки. Встав с сиденья, Ламли вышел на крышу.

Шум, который он произвел, заставил вздрогнуть молодого человека во фланелевом костюме. Вскочив на ноги, тот крутанулся на месте и с улыбкой и протянутой рукой направился к Ламли.

- Добро пожаловать, мистер Эверсон Ламли! - воскликнул он. - Добро пожаловать в благодатный двухтысячный год нашей эры.

Не только теплота, но и фамильярность приветствия несколько обескуражили Ламли. Он с достоинством пожал руку и с немым недоумением посмотрел на молодого человека.

- Как прошла ваша поездка? - продолжал другой с искренним интересом. - Надеюсь, приятно.

- Очень приятно, - ответил Ламли. - Думаю, у вас есть некоторое преимущество передо мной.

- Возможно. Последние шесть месяцев наша колония ждала, что вы выберетесь из этой штуковины, и один из нас денно и ночью находился под рукой, готовый встретить вас и помочь вам почувствовать себя как дома...

С каждым словом молодого человека таинственность росла.

- Скажите мне еще раз, пожалуйста, - сказал Ламли, - сейчас двухтысячный год?

Молодой человек рассмеялся.

- О, вы не ошиблись! Это утро прекрасного июньского дня в двухтысячном году. Я хотел попасть сюда не раньше середины лета, но что-то не так с порошком, который я взял, и я приземлился в январе. Бр-р-р, как холодно было.

- Это ведь Нью-Йорк, не так ли?

- Конечно. А город, скажу я вам, Ламли, тот еще.

- Наверное, да.

Ламли потер голову и некоторое время разглядывал молодого человека.

- Вас зовут...

Джим Мортимер, или просто Морт, как меня обычно называют в нашей компании. Раньше, в 1900 году, я был газетным репортером, но все эти газетчики раздували из этих историй "дальние перспективы", и я тоже решил попробовать свои силы. И вот нарвался на старого профессора с порошком... Кстати, а тот человек, который помог вам совершить полет во времени, был профессором?

- Н - н - нет, - ответил смущенный Ламли, - он был доктором.

- Вот оно что! - зашебетал восхищенный Морт, засовывая планшет и карандаш в карман.

- А если не доктор, то уж точно профессор. Человек Гига Линдли был доктором. Гиг - еще один из племени тысяча девятисотого года - житель Чикаго, знаете ли, но ему пришлось приехать в Нью-Йорк, когда он совершил свое маленькое погружение в Неизвестность. Но скажите, Ламли, у вашего доктора были очки, а?

- Да.

- И крючковатый нос и подбородок - как клюв ястреба?

- Что-то в этом роде.

- Так со всеми: неважно, каким путем они приходят, билет выписывает профессор или доктор. Какая у вас специальность?

- Я не понимаю.

- Не бойтесь, я не украду идею. Ваши фантазии утопичны или практичны? Пессимистичные, оптимистичные, единый налог, социальное равенство или что? Я сам утопист.

- Я приверженец идеи подсознательного эго, - сказал Ламли, постепенно приходя в себя.

- Это что-то новенькое, черт возьми! Вы намерены проснуться в тысяча девятисотом и понять, что это был сон, или как вы собираетесь взломать дверь?

- Я не собираюсь возвращаться.

- Боже, Боже!

Глаза Джима Мортимера широко распахнулись:

- Намерен остаться здесь?

- Это мое намерение.

- Вы передумаете, я думаю, после того как напишете книгу и окажетесь по соседству с тем цветущим состоянием, в котором они сейчас находятся.

- Как вы узнали, что меня зовут Ламли, мистер Мортимер?

- Не надо "мистер", Ламли, - ответил Морт, - у нас в колонии все не формально. Вот ваша инструкция - мы ее прочитали и знали, кто придет.

Морт указал на боковую стенку купе, Ламли проследил за его пальцем и увидел карточку с такой надписью:

*"Мистер Эверсон Ламли,
Должен прибыть в 2000 год
Где-то в июне."*

- Должно быть, это доктор! - воскликнул Ламли. - Но я не заметил, как он это сделал.

- О, эти доктора и профессора! - пробормотал Морт. - Они замечательные парни. Они придумывают теории, а мы их доказываем. Но, Ламли, скажи мне вот что: эти великие американские люди по твоему так и скупают многочисленные вещи в 2000 году, как и на момент твоего отъезда, как и до того, как я появился здесь?

- Я не знаю, Мортимер. Этот вопрос меня никогда не интересовал.

- Тени Беллами! Разве ты не собираешься написать книгу?

- Не знаю, но думаю, что нет.

- Зачем вы сюда пришли?

- Ну, чтобы... - Ламли заколебался. Он хотел сказать: "Чтобы сбежать от Кинча", но подумал, что так не пойдет.

- Я опередил свое время, - добавил он наконец, - и решил, что попаду в свое окружение.

- Ты прям глоток свежего воздуха, Ламли, - усмехнулся Морт, - в моей душе ты такой и есть. Поистине редкая птица; ребята в колонии оценят тебя по достоинству.

- Колония? Какая колония?

- Естественно, вам ничего об этом неизвестно. Мне придется кое-что объяснить вам по ходу дела, хотя я буду вмешиваться в дела старого Тибуроса Най Двадцать Шесть, который является главным объяснителем для всех новоприбывших и который...

- Какое необычное имя!

- Оно многое значит, но вы скоро все узнаете. В свое время Тибурос придет к вам с охотой; он всех нас уже изрядно поднатыскал. Ты же будешь вынужден по-честному все рассказать ему и влюбишься в его дочь.

Ламли подпрыгнул.

- Влюблюсь в его дочь? - выдавил он из себя.

- Конечно. Как можно писать книгу и не испытывать к ней сердечного интереса, а? Ах да, я забыл! Ты не собираешься писать книгу. Ты нарушаешь все традиции, Ламли, и я боюсь, что ты нарушишь порядок вещей.

- Каждый парень в колонии общался со стариной Тибом, и каждый из нас влюбился в одну из прекрасных дочерей Тиба. Это придает чувства многим сухим статистическим данным, и, черт возьми, девушки не возражают.

- Вы собирались рассказать мне о колонии, - предположил Ламли.

- Да, собирался, собирался. Ламли, как ты думаешь, сколько парней покинули тысяча девятисотый и перебрались сюда ради удовольствия и пользы?

- Понятия не имею.

- Девятнадцать, сэр. С учетом того, что сегодня днем должен прибыть еще один человек, у нас будет круглый счет.

- Еще один прибудет?

- Полагаю, да. На этом событии будет много народу. Оно начнется в четыре часа, и я позабочусь о том, чтобы у вас был входной билет.

- Я девятнадцатый по счету, верно?

- Именно так. Мы - великий и растущий орден тысячадевятистотников, Погонщиков радуги, Рыцарей Дубль-Х и так далее. Ты должен познакомиться с нами, чтобы оценить нас, Ламли.

- Я сделаю все возможное, чтобы стать знатоком.

- Правильно, мой мальчик! - Морт сердечно похлопал Ламли по спине. - Давай-ка мы слетаем в колонию, перекусим с нашей компанией, а потом, все вместе, спустимся в Перистилум и пойдем на пробуждение?

- Пробуждение?

Морт рассмеялся.

- Это Рип так выразился, Ламли - Том Рипли, понимаешь, но мы зовем его Рипом, потому что он еще один из тех, кто остался здесь навсегда. Когда парень приезжает сюда из тысяча девятисотого, он обычно просыпается, понимаешь? Отсюда и название. О, боже!

- В чем дело?

- Я просто вспомнил, что сказал муглюгу, чтобы он не шел за мной, поскольку я намерен вернуться пешком, и положил свой железный зонтик внутрь. Может, лучше пешком, Ламли?

- С превеликим удовольствием, Мортимер. Что такое муглюг?

- Старина Тиб тебе расскажет. Сюда.

Джим Мортимер выбил пепел из своей трубки и положил ее в карман, а затем провел Ламли через дверь в кабинет доктора. В кабинете было пусто, и нигде не было видно ничего, что хотя бы отдаленно напоминало о докторе Келпи и его временах.

- Чудовищная старая развалина, - ворчал Морт, - ее оставили здесь только из-за тебя, Ламли.

- Из-за меня?

- Именно. Последующее поколение не могло снести ее, пока ты прибывал в июнь двухтысячного года.

Ламли осенила внезапная мысль.

- Как вовремя! - воскликнул он, остановившись. - Будет ли она в безопасности?

- Вы имеете в виду машину, которая доставила вас сюда?

- Да.

- Не волнуйтесь. Домашний муглюг присмотрит за ней.

Как странно отдавались их шаги в голых комнатах и на лестнице без коврового покрытия! Ламли вспомнил, как совсем недавно его преследовали у парадной двери, и он сидел, обессиленный и нервный, в кабинете доктора, а Кинч требовал впустить его.

Так быстро! Для него это были десять минут, а для всех остальных за пределами колонии 1900 года - сто лет.

Когда они подошли к парадной двери, в комнате справа раздался тяжелый металлический стук. В следующее мгновение дверь распахнулась, и на пороге возникло существо семи футов ростом, явно стальное и обильно украшенное латунью, и протянуло Морту железный зонтик.

- Хорошо, мугги, - сказал Морт, взяв зонт, - не позволяй никому возиться со штуковиной на крыше.

Существо кивнуло, и Ламли вздрогнул, встретившись глазами с неподвижным взглядом, обращенным в его сторону.

- Что это такое? - вскрикнул Ламли, когда они с Мортом вышли из дома.

- Это домашний муглюг, о котором я тебе рассказывал, - ответил Морт.

- Что заставляет его двигаться?

- Старый Тиб тебе объяснит; я бы и сам рассказал, если бы мог, мой мальчик, но Тибурос Най Двадцать Шесть - старый ревнивец, и неизвестно, что он сделает, если я лишу его возможности заниматься объяснениями с его любимцами. Теперь о колонии.

Не успели они уйти, как позади раздался грохот, и Ламли почувствовал, что его схватили, как в тиски, и подняли высоко в воздух. Ламли вскрикнул от страха. Муглюг схватил его и держал в подвешенном состоянии над головой. Лицо металлического монстра было лишено всякого выражения - до ужаса безразличное, - и он держал Ламли на высоте с легкостью и

откровенно убийственным намерением, столь же механическими. Он извивался и боролся, но руки, прижатые к его бокам, не выпускались.

- Эй, Эй! - яростно закричал Морт, встав перед муглюгом и размахивая железным зонтиком. - Отпусти его, или я запомню твой номер и сообщу об этом в Главный центр. Да что с тобой такое? Похоже, ремонтная мастерская по тебе плачет, раз ты так себя ведешь. Полегче с ним!

Ламли, охваченный паникой, прекратил свои попытки сопротивляться. Автомат не обладал ни одним из пяти чувств, но, казалось, он все же слышал и понимал; возможно, он также мог видеть, и его сковала агрессивная манера Джима Мортимера.

Ламли медленно опустили, и он тут же отлетел к стене, упираясь в нее и глядя на муглюга бешеными глазами. Размеренным шагом демоническая фигура приблизилась к Морту и постучала металлическим пальцем по пуговице на лацкане его пальто.

- Ах, так вот в чем ваша забава? - прорычал Морт. - Вы, крутые, никогда не упускаете случая приглядывать за Воздушным трестом, не так ли? Он только что прибыл, и у нас не было возможности экипировать его как следует. Этот вопрос будет решен. А теперь займись своими делами, или я разберу тебя на части, чтобы понять, что заставляет тебя так себя вести.

Муглюг с военной четкостью повернулся и зашагал по залу, как часовой.

- Это одна из тех прелестей, которые мы все можем испытать, Ламли, в наш прогрессивный век, - заметил Морт. - Если в Головном центре мысль идет не так, как надо, муглюг может соскочить с шестеренки.

По мере того как Ламли оправлялся от шока, его недоумение росло.

- Мысль? - пробормотал Ламли; - Головной центр?

- Именно, - ответил Морт, - но я не могу сейчас углубляться в этот вопрос. Скоро вы обо всем услышите. Это замечательная индустриальная эпоха, эти времена 2000 года. Чем дольше вы здесь пробудете, тем больше будете жалеть, что не уехали.

Они спустились по старым ступеням и уже собирались двинуться по проезжей части, как вдруг со всех сторон на них набросились какие-то личности.

- У него нет пуговицы? - раздался крик. - У него нет пуговицы! Схватить его!

В мгновение ока Ламли снова оказался в плену, но на этот раз его схватили не муглюги.

- Черт побери! - воскликнул Ламли, - эти люди из Воздушного треста меня утомляют.

Глава 4. Колония 1900-го года

- Пуговица! - кричал Ламли, отчаянно сопротивляясь. - О какой пуговице вы говорите?

- Уведите его! Уведите его! - кричали люди.

- Эй, эй, эй! - воскликнул Мортимер, пробиваясь сквозь толпу. - Расступитесь! Конечно, у него нет пуговицы. Он же приехал всего полчаса назад.

Морт, похоже, был знаком с этими людьми, и они потянулись к выходу. У Ламли была возможность взглянуть на них, и он не был так сильно взволнован, чтобы упустить этот шанс.

Ни один из них не превышал пяти футов шести дюймов роста, и все они были стройными, безбородыми и женоподобными. Они носили нелепые маленькие шляпы, подвязанные под подбородком цветной лентой.

Их пальто были короткими и украшены золотыми кружевами и отделкой; штаны обтягивали ноги, заканчиваясь у колена и напоминая панталоны.

Голени были голыми. Белые чулки виднелись чуть выше верха туфель.

- Иммиграция из 1900 года увеличивается, - щебетал один из жожаков, доставая из кармана веер и небрежно обмахиваясь им. - Двое за один день! Думаю, это побило рекорд, мистер Мортимер.

- О, колония растет, мистер Чи, - ответил Морт.

- Это Ламли, которого так долго ждали?

- Вы попали в точку.

- Мне жаль, что мы так грубо с ним обошлись.

- Не вспоминайте об этом. Думаю, он не сильно пострадал.

- Поставьте на него счетчик, как только появится возможность.

- Мы присмотрим за ним.

- Собираетесь в Перистилум сегодня днем?

- Естественно, - отозвался Морт, когда они с Ламли уходили, - вся колония должна быть наготове, чтобы встретить гостя.

Когда они уже были в пути, Морт добавил Ламли:

- У этого парня ума примерно столько же, сколько у мугла.

- Кто он?

- Он Табукал Чи Четвертый, капитан отряда Доверие.

- Табукал Чи Четвертый, - пробормотал Ламли. - Еще одно непонятное имя.

- В наше время терминология сведена к единой системе, Ламли. Но у этой системы есть свои преимущества, как ты узнаешь, когда старый Тибурос все объяснит.

- Что такое отряд Доверие, Мортимер?

- Эти ребята работают на Воздушный трест. Они наблюдатели и ищут парней, отключивших свои счетчики.

- Воздушный трест?

- Да. Корпорацию контролирующую атмосферу, и ни один человек не имеет права дышать без счетчика. В мае у Треста было собрание, и он поднял цену на кислород на пятьдесят центов за тысячу футов.

- Неужели дошло до этого? - воскликнул Ламли. - Люди облагаются налогом за тот самый озон, который попадает в их легкие?

- Почему бы и нет? - мрачно ответили ему. - Даже в 1900 году различные тресты контролировали предметы, которые служили для поддержания жизни. Воздушный трест - естественное развитие этого принципа. О, вы влюбитесь в двухтысячный год, Ламли!

- У вас тоже есть счетчик? - спросил Ламли после минутного молчания.

- Конечно. Вот он.

Мортимер слегка повернулся и коснулся маленького круглого диска, просунутого в петлицу на лацкане пальто.

- У гражданина, дважды уличенного в отсутствии этого диска, его отбирают.

- И что тогда происходит?

- Трест посылает отряд, чтобы отключить доступ к воздуху.

- И преступник умирает?

- Ну, да. В этом двухтысячном году люди довольно изобретательны, но они еще не придумали, как жить без кислорода. Это одна из немногих вещей, которые они еще не открыли. Счастливы муглюки, Ламли. Они не едят, не дышат, но при этом умудряются жить. Прижмись ближе, мой мальчик. Не вылезай из-под зонтика.

- Почему?

- Люди на воздушных кораблях, как известно, неосторожны и роняют вещи.

- Это преступно! - вспыхнул Ламли.

- Конечно, преступно, но что поделаешь?

Почему-то Ламли уже не был так счастлив, как в начале путешествия.

- Этот муглюг позаботится о купе времени, не так ли? - с тревогой спросил он.

- Не беспокойтесь об этом, мой дорогой друг. Если муглюг хоть раз не выполнит свой долг, у Главного центра начнутся проблемы.

- Главный центр?

- Да, именно так. Но теперь никаких допросов. Старина Тиб скоро возьмет вас под руку, и тогда вы узнаете все, что хотите, об этом восхитительном периоде. Пользуйтесь глазами, Ламли, и не задавайте вопросов. Если я буду отвечать, то превышу свои полномочия.

Ламли, как и было велено, воспользовался глазами. Улицы оказались не такими, как он ожидал, а дома - просто нереальными, все пряничные и живописные. Он не мог представить, чтобы в них кто-то жил.

Не было ни лошадей, ни повозок, ни карет, ни автомобилей, ни магазинов, ни покупателей, лишь кое-где мелькали томные жители в маленьких шляпках и панталонах в духе времени.

Над улицей царил тишина - тишина, нарушаемая лишь звонкими шагами множества муглюков, проходящих мимо, переходящих и идущих по своим делам с немым и непоколебимым упорством.

- Я знаю, о чем ты думаешь, - сказал наконец Морт. Это век Стоутонских бутылок¹, Ламли, и муглюги его олицетворяют. Люди стали жертвами собственной изобретательности и превратились в огромное сообщество болванов.

- Пришедшие из суетливой эпохи 1900 года, - предположил Ламли, - возможно, не имеют права судить.

- Возможно, и нет. Как бы то ни было, лучше пятьдесят лет нашего времени, чем несколько нынешних. Это мое частное мнение, высказанное публично. Но вот мы здесь. Обратите внимание на здание нашей колонии. Не напоминает ли оно вам здание столетней давности?

Безусловно, напоминало. Это было большое каркасное здание, окруженное широкими крыльцами и расположенное во дворе, утопающем в цветах. Оно напоминало оазис в пустыне, и при виде его у Ламли защемило сердце.

- Здесь я принял свой порошок и вышел из транса, - объяснил Морт. - Безжалостные руки снесли бы это здание как устаревшее и неприглядное, но колония поднялась как один человек и пожелала поселиться в нем и наслаждаться жизнью. Поэтому его пощадили для нас. Прислушайтесь! Парни за столом.

¹ означает сидеть (или стоять) тупо, безразлично, флегматично, без выражения, глупо, как пень.

Они на мгновение остановились на крыльце, и до них донесся гул сильных и дружных голосов:

"Мы славные ребята.

Мы славные молодцы,

Мы славные молодцы.

Что никто не может отрицать!"

- Это богема, - рассмеялся Морт, - все до единого.

Богемцы сидели за столом, и Морт с Ламли громко приветствовали их, когда они вошли; затем Ламли представил своего спутника Гигу Линдли, Рипли и пятнадцати другим, и для них освободили места за столом.

- Ты привел Ламли к присяге, Морт? - спросил Линдли.

- В этом нет необходимости, - ответил Мортимер. - Он не собирается писать книгу.

Это заявление вызвало настоящий фурор.

- Не собирается писать книгу! - закричал Рипли. - Тогда почему, черт возьми, он здесь?

- Он опередил свое время, - ответил Мортимер, - поэтому он постарался наверстать упущенное и занять свое место.

Это заявление было встречено взрывом смеха.

- После глубокого и серьезного размышления, - заметил другой, - он считает, что его место здесь?

- У него не было времени на серьезные размышления, - заметил Линдли. - Задайте ему этот вопрос после того, как он пробудет здесь достаточно долго, чтобы вникнуть в окружающую обстановку.

- И после того, как старина Тиб проведет с ним курс обучения, - дополнил Рипли.

- Какую присягу должен дать человек, если он собирается написать книгу? поинтересовался Ламли.

- Он должен поклясться, что будет держаться подальше от фактов, - ответил Рипли грубоватым голосом.

- Нынешние времена - это эпоха культивированного вкуса, - сказал Линдли, вставая и обращаясь в первую очередь к Ламли. - Потребовалось сто лет, чтобы воспитать людей в соответствии с ним, так как же мы можем ожидать, что читатели нашего времени будут симпатизировать подобным организациям? Мы должны подавлять суровые факты, джентльмены, и окрашивать наши теории в радужные оттенки воображения. Если вы меня извините, я сейчас отправлюсь в свою каморку и напишу тридцатую главу моего философского романа. Мне есть о чем спросить вас, мистер Ламли, ведь я уже два месяца как покинул родные края и жажду новостей; но я не стану докучать вам вопросами, пока вы не отдохнете и не ознакомитесь с окружающей обстановкой.

- Не забудьте в четыре в Перистилуме, - заговорил Мортимер.

- У кого билеты?

- У Рипли. Кстати, Рип, - и тут Мортимер повернулся к Рипли, - не забудь лишний билетик для нашего друга Ламли. Он едет с нами, ты же в курсе.

- У меня есть лишний билет, - сказал Рипли, - так что мы без проблем пристроим Ламли.

- А как мы поедем? - спросил Линдли.

- Полетим. Возьмем "Метеор" и стартуем в три тридцать.

- Не нравится мне этот "Метеор", - проворчал Рипли. - Он немного заржавел и не отвечает на запросы Центра.

- Ну что ж, мы возьмем муглюга с "Морской чайки", - сказал Мортимер. - Он исправен и справится с "Метеором" на ура.

- Хорошо, - ответил Рипли.

- Я прибуду вовремя, - сказал Линдли и вышел.

За ним один за другим последовали остальные, пока не остались только Мортимер и Ламли.

Ни еда, ни видимая обстановка дома, ни только что встреченные Ламли весельчаки - ничто не указывало на то, что они являются неотъемлемой частью 2000 года.

Мортимер, казалось, прочитал мысли Ламли.

- Мы - маленький кусочек тысяча девятисотого года, Ламли, - сказал он, - перенесенный в двухтысячный. Мы, так сказать, выброшены на остров времени. Счастливый случай... но недальновидный, чертовски недальновидный.

- В каком смысле недальновидный?

- Все, что мы хотели сделать там, в далеком тысяча девятисотом, - это попасть сюда. Вперед, вперед, повернись, о, время в твоём полете! - такова была наша мольба. Мы хотели нанести удар книгой, которая продается тиражом в миллион экземпляров, не больше и не меньше, но ни один из нас, Ламли, не задумывался о том, как мы вернемся в тысячу девятисотый со своим экземпляром. И вот мы здесь, выброшенные к антиподам, с восемнадцатью избранными, эпохальными книгами.

Мортимер печально покачал головой.

- Мы стараемся не думать об этой стороне вопроса, Ламли, - добавил он.

Ламли и в самом деле думал об этом, и думал очень напряженно. Однако его нелегко было запугать.

Если после зрелого размышления он решит воспользоваться временным купе и вернуться туда, откуда приехал, то окажется на пятьдесят лет по другую сторону от Кинча, и этот достойный человек больше не сможет его беспокоить. В этом что-то было.

- Не могу понять, - сказал Ламли, - как вы и ваши друзья ожидали меня. Вы говорите, что находитесь здесь всего шесть месяцев, Мортимер, а машина, на которой я прибыл, должна была пролететь эти шесть месяцев за три секунды обычного времени. Как же вы и ваши друзья могли...

Мортимер пренебрежительно махнул рукой.

- Наши мозги перепутаются, - ответил он, - если мы начнем возиться с различными комбинациями времени. Достаточно сказать, что в то время как ваше купе мчалось сквозь годы с бешеной скоростью, дом, на котором она стоит, старел самым неспешным образом. Время быстро пролетело для вас, но не для дома и не для нас за то время, что мы здесь находимся...

Мортимера прервало рычащее жужжание, резким эхом прокатившееся по комнате. Он тут же вскочил.

- Что это? - испуганно спросил Ламли.

- Мыслепередатчик, - ответил Мортимер.

Отойдя в один конец комнаты, он дважды нажал на серебряную ручку, выступавшую из стены.

- Это думает Мортимер, - воскликнул он, повернувшись лицом к ручке. - Кто это?

- Тибурос Най Двадцать Шесть, - прозвучал ответ, настолько ясный и отчетливый, что Ламли смог его расслышать. - Я только что получил сообщение из штаба, что прибыл долгожданный Ламли.

- Вы правы, мистер Най, - ответил Мортимер. - Он прибыл по расписанию.

- Хорошо! Неизвестный пробудится в Перистилуме в четыре, а завтра утром я начну объяснения с ними двумя.

- Таким образом, экономя слова и убивая двух зайцев одним выстрелом, а?

- Не будьте легкомысленны, Мортимер; и, между тем, не деморализуйте Ламли своими глупостями. Он лучше оценит нынешнее время, если я буду беспрепятственно заниматься его образованием.

- Мы дадим вам полную свободу действий, мистер Най, - и Мортимер подмигнул Ламли.

- Проследите за этим. До свидания.

Последовало еще одно рычащее жужжание.

- Видишь, старик, - сказал Мортимер, отворачиваясь, - все так, как я тебе и говорил. Генерал-объяснитель хочет заняться своим хобби и не потерпит вмешательства.

Передачик снова зажужжал, и Мортимер, повернувшись, дважды ударил по серебряной ручке.

- Мортимер, колония тысяча девятисотого, - сказал он.

- Офис Воздушного треста. Только что получена передача от Табукал Чи Четыре, отряд номер восемь, что Ламли бродит без счетчика. Разве вы не знаете, что это прямое нарушение Постановления сто двадцать?

- Конечно. Но ведь нужно дать новичку шанс приспособиться к новому порядку вещей, не так ли? Вы, представители Воздушного треста, - просто отморозки!»

- Не надо со мной шутить, я этого не потерплю. Я собираюсь послать по пневматической системе пуговицу, настроенную на среднюю емкость легких. Наденьте ее на Ламли, и если она не подойдет, сообщите, и мы пришлем человека, чтобы внести корректировки. Держите!

Ламли услышал шум в другом конце комнаты. Повернувшись в ту сторону, он увидел корзину, подвешенную под горлышком трубы.

Шум был вызван падением небольшого предмета из трубки в сосуд. Мортимер подошел к корзине, достал пуговицу и прикрепил ее к лацкану пиджака Ламли.

- Это закладная на жизнь человека, вот что это такое, - прорычал Мортимер, - но мы должны терпеть.

Он прислонил ухо к счетчику и прислушался.

- Работает нормально, - добавил он, - так что, думаю, все в порядке. Поднимайся на крышу, Ламли, а я пока сменю "Морскую чайку" на "Метеор".

Мортимер набил свою трубку.

- Вы курите? В стойке есть запасная трубка.

Ламли взял трубку, набил ее из табачного контейнера, стоявшего над камином, а затем вместе с Мортимером поднялся на крышу.

- А вот и родной насест, - продолжал Мортимер, махнув рукой в сторону эстакады, на которой покоились два воздушных корабля. С этой стороны гнездится "Метеор", с другой - "Морская чайка". Чайка - машина получше, но она вмещает всего шесть человек, не считая муглюга. А "Метеор" рассчитан на двадцать.

Он повысил голос.

- Сюда, муглюги! - позвал он. - Мне нужны вы оба.

Под эстакадой стояли два длинных контейнера. По команде Мортимера крышки открылись, и на свет появились два стальных человека, с которых упали покрывавшие их полотнища.

Выйдя из ящиков, муглюги аккуратно сложили ткань, бережно уложили ее в ящики, закрыли крышки и подошли к тому месту, где стоял Мортимер.

На груди одного из них красовалась медная табличка с выбитыми буквами "S. G.", а под ней - "Собственность Муглюг Траст, Лимитед. В случае отказа от работы сообщить в Главный центр".

На табличке другого муглюга был выбит один инициал "М." и надпись, идентичная той, что была на предыдущей табличке.

- Муглюг с "Морской чайки" сегодня днем будет управлять "Метеором", - продолжал Мортимер.

При этих словах муглюг с "Метеора" издал злобное рычание и отступил к своей машине.

Когда оператор "Морской чайки" попытался пройти на борт "Метеора", оператор "Метеора" преградил ему путь.

Муглюг с "Морской чайки" остановился в нерешительности и посмотрел на Мортимера.

- Мятаж, да? - крикнул Мортимер, бросаясь к упрямому муглюгу. - Назад в свой контейнер, Сто шестой! Назад, я тебе говорю!

Но Сто шестой не стал отступать. Вместо этого он издал еще один яростный вопль, подхватил Мортимера на свои металлические руки и устремился к краю крыши.

Ламли был поражен. Это был его второй опыт столкновения со злобностью муглюга, и поведение Мортимера поразило его даже больше, чем его собственное.

Газетчик боролся и бился, но его держали в тисках, из которых он не мог вырваться.

- Помогите! - крикнул он.

Другой муглюг не обращал внимания на Сто шестого, а спокойно прислонился к "Метеору". Если для спасения Мортимера нужно было что-то предпринять, по мнению Ламли, это должен был сделать именно он.

На крыше лежал железный прут. Ламли подхватил его, помчался за взбунтовавшимся муглюгом и со всей силы ударил его по голове.

Автомат с жужжанием, напоминающим звук лопнувшей пружины, упал на крышу и остался лежать там неподвижно и беззвучно, семь футов искореженной стали.

Мортимер был опущен в футах от края крыши. Поднявшись на ноги, он мрачно уставился на обезображенное чудовище.

- Главному центру придется хорошенько потрудиться, и не жалко, - сказал он. - Уже дважды за день эти закованные в броню марионетки путаются в мыслеволнах. Люди этого времени, Ламли, взрастили огромную силу, которую они держат в подчинении одним лишь разумом. Если бы не тот человек занял пост главы Центра, и муглы ополчились бы на своих хозяев, началась бы резня мирных людей, которая потрясла бы все человечество.

- Хотел бы я знать побольше о работе Главного центра, - пробормотал Ламли.

- Старина Тиб расскажет тебе обо всем этом. Я сам не знаю всех тонкостей этой игры, но, насколько я понимаю, вся система основана на том или ином соображении, содержащемся в книге, которая передается из поколения в поколение. Но мы постараемся забыть об этой маленькой неприятности. Я очень благодарен вам за то, что вы протянули муглюгу по башке как раз в тот момент, когда это было нужно мне больше всего. Полагаю, трест Муглюг поднимет небольшой шум, но если они будут слишком упрямыми, мы подадим жалобу на Главный центр.

Мортимер опустился на землю, набил трубку и внимательно осмотрел ее.

- Я бы не хотел, чтобы с этим бриаром что-нибудь случилось на этой ферме, - сказал он, - То, как люди этого времени курят - да и едят тоже, если уж на то пошло, - одна из самых больших насмешек века.

Мортимер хихикнул.

- Но ты узнаешь об этом, когда Тиб доберется до тебя.

Шум, вызванный неприятностями на крыше, привел к тому, что остальная часть колонии высунулась из люка.

- Как можно ожидать, что человек будет писать, - ворчал Линдли, - когда вы шумите, как котельная прямо у него над головой?

- Да кого вообще волнует твой старый роман? - фыркнул Мортимер. - Если бы Ламли не проломил голову Номеру сто шесть и не свалил его на крышу, я бы сейчас лежал на дороге со сломанной шеей.

Он принялся объяснять, что произошло.

- Громила!» - нахмурился Рипли. - Эта адская штуковина не работает уже неделю. На днях она ударила меня, когда мы отправились полетать, и я едва не выкинул ее за борт. Мы купили сто шестого подержанным, если мне не изменяет память.

- Мне вообще не очень нравятся эти муглюги, ни старые, ни новые, - сказал Линдли. Если с ними спорить, они всегда начинают драться. Который сейчас час?

Он посмотрел на часы.

- Три часа, - добавил он, - и воздух полон машин, направляющихся в Перистилум. Если мы хотим занять место в первых рядах, нам лучше стартовать прямо сейчас.

- Вы все готовы? - спросил Мортимер.

В ответ раздался хор утвердительных голосов.

- Тогда поднимайтесь на борт.

Один за другим они поднялись по движущимся ступенькам на "Метеор"; затем муглюг дернул за рукоятку, и они поднялись и умчались прочь.

Глава 5. Последний иммигрант

Полет в Перистилум стал для Ламли самым ярким событием. Огромные крылья Метеора рассекали воздух так же бесшумно, как птичьи, и несли их вперед с огромной скоростью.

Муглюг занимался всем, что было связано с управлением кораблем, так что у пассажиров было достаточно свободного времени, чтобы посплетничать и поглазеть по сторонам.

День выдался прекрасный. Солнечные лучи смягчались легким бризом, и природа демонстрировала свои лучшие качества.

Путешествие по воздуху, по мнению Ламли, казалось самой поэзией движения. Он удобно устроился в своем кресле по правому борту «Метеора» и наблюдал за кораблями, проплывающими внизу, сверху и по обе стороны.

- А вот и великий Тибиус Най Два, - сказал Гиг Линдли.

- Идет под парусами, как обычно, задрал нос, - ворчал Рипли.

- Смотри, Ламли, - сказал Мортимер, указывая пальцем, - там летит человек, чей доход составляет миллион в день.

Ламли проследил за пальцем друга и увидел позолоченную машину, бороздившую воздух благодаря безупречным парусам из белого шелка. У муглюга, стоявшего за рулем, были бриллиантовые глаза и серебряная филигранная отделка.

Повелитель судна сидел посередине корабля, откинувшись в мягком кресле, укрытый от солнца балдахином из голубого шелка, скрестив руки на внушительном животе. На корме было выведено название машины: Плутократ.

- Кто он? - поинтересовался Ламли.

- Он главный босс Воздушного треста, - ответил Мортимер. - Некоторое время назад он дал пять миллионов на основание приюта для престарелых.

- А потом, - вставил Рипли, - поднял цену на воздух на пятьдесят центов за тысячу, чтобы те, у кого хорошие легкие, могли оплачивать дом для тех, у кого их нет. Человек с большим сердцем.

- Ни один воздушный корабль не может быть запущен, не заплатив этому старому чудаку сто долларов за пользование эмпирией, - заметил Линдли.

- Он - главный акционер "Юниверсал Тьюб Компани", - заметил Джод Мак-Вильямс, который писал роман на сто двадцать тысяч слов об идее единого налога.

- Что такое "Юниверсал Тьюб Компани"? - спросил Ламли.

- Об этом ты узнаешь у старины Тиба, мой мальчик, - ответил Мортимер.

- Не надо беспокоить старого Тиба! - воскликнул Рипли. - Стыдно заставлять такого парня, как Ламли, гадать целый день и ночь. Всемирное метро, Ламли, пронзает землю от поверхности до поверхности, по всему ее диаметру.

- Милосердные силы! - разразился восклицанием Ламли. - Неужели современные инженеры действительно выполнили такую непосильную работу?

- Да, это так, - ответил Мортимер. - Работу выполнили муглюги, а друг Тибиус владеет большей частью акций муглюгов.

- Он также владеет компанией развлечений "Век Транса", - пояснил Мак-Вильямс.

- Что это такое? - совершенно искренне спросил Ламли.

- Это компания, контролирующая Перистилум и всех тех недовольных тысяча девятистам годом, которые перешли в этот век. Каждый из нас очнулся под опекой Компании развлечений.

- Под взглядами тысячи и более людей, - сказал Линдли.

- Которые платили по пять монет за привилегию стать свидетелями представления, - встал Мортимер. - Однако мое появление собрало не так уж много народу, потому что я не явился в Перистилуме, как все вы, парни.

- И я тоже, - заметил Ламли. - Почему меня туда не отвели?

- Благослови тебя Бог, старина, компания развлечений побоялась возиться с твоим аппаратом. Они не привыкли, чтобы иммигранты прибывали таким образом.

- Ну вот мы и на месте, друзья, - сказал Мак-Вильямс, перегнувшись через борт Метеора и глядя вниз.

Ламли тоже взглянул вниз, как раз когда воздушный корабль начал кружить в поисках посадочной площадки.

Прямо под ними возвышалась круглая крыша огромного здания. Центр крыши пронизывало большое отверстие, а между ним и краем крыши располагалось огромное количество эстакад, похожих на те, что были на доме колонии.

Многие эстакады были заняты, и прошло несколько минут, прежде чем муглюг смог маневрировать так, чтобы приземлиться на свободное место. Наконец это удалось, и Мортимер, Ламли и остальные присоединились к толпе, стекавшей по широкой лестнице в Перистилум.

Спустившись на сотню ступенек, Мортимер подошел к муглюгу, который принимал билеты. Рипли отсчитал девятнадцать в стальную ладонь стоявшего в ожидании муглюга, и они продефилировали в огромный круглый зал.

В центре пола находился круглый помост высотой с обычную театральную сцену. На платформе лежала каменная плита, верхняя поверхность которой была покрыта тканью, под которой виднелись контуры некой округлой формы.

Несмотря на то что Перистилум быстро заполнялся, выходцам из колонии 1900 года удалось занять первые места.

- Вон там, под брезентом, последний иммигрант, - прошептал Мортимер, подталкивая Ламли в бок. Интересно, как он выглядит?

- Не стройте догадок, как бы то ни было, - предупредил Рипли, сидевший слева от Ламли. Это дурной тон, знаете ли; кроме того, вы не приблизитесь к разгадке и на милю.

После того как Ламли некоторое время смотрел на прикрытую фигуру, он позволил своему взгляду блуждать по аудитории. И тут же обнаружил, что общее внимание разделено примерно поровну между ним и фигурой на плите.

Но это его ничуть не смутило. Его ум был занят некоей проблемой, и в конце концов он задал Мортимеру еще один вопрос.

- Разве в Перистилум не заходят дамы, Мортимер?

- Конечно заходят.

- Я не вижу ни одной.

- А вот и видишь.

- Где?

- Да вот, одна в конце ряда справа от меня.

- Это одна из дам?

- Да.

- Но она носит ту же одежду, что и мужчины!

- Они все носят подобную одежду. В основном это блумеры и маленькие шляпки.

- А дамы носят пиджаки?

- Конечно.

- Как же вы отличаете женщин от мужчин?

- Ну, чтобы отличить их на улице, нужен натренированный глаз, но в таком месте, как это, мужчины снимают шляпы, а дамы их надевают. Видите?

- Теперь вижу. Неужели больше нет таких вещей, как мода?

- Мода на одежду вышла из моды. Есть один стиль для всех. Сейчас говорят, что...

- Эй! - прошептал Рипли. - Представление вот-вот начнется.

Откуда-то появился мужчина - во всяком случае, он был без шляпы, и Ламли решил, что это именно мужчина, - и поднялся по короткой лестнице на верхнюю площадку. Он властно поднял одну руку и, когда воцарилась тишина, начал говорить.

- Люди добрые, - сказал он, как можно выше поднимая свой тонкий голос, - от имени Компании развлечений я хочу сказать несколько слов о событии, свидетелями которого вы сейчас станете.

- Перед вами, на этой каменной плите, лежит последний из иммигрантов. В отличие от других иммигрантов, которых обслуживала наша компания, этот спящий прибыл не прямо из тысяча девятисотого года, а, как мне достоверно сообщили, сделал остановку в тысяча девятьсот пятидесятом, и таким образом попал к нам спустя полвека.

- Кто он такой, мы не знаем, поэтому в наших списках он значится как Неизвестный. В отношении него проводится очень интересный эксперимент.

- Как вы знаете, порошки, зелья и все прочее применялись к переселенцам из тысяча девятисотого года, чтобы вызвать летаргию или коматозное состояние, в котором они пребывали все эти годы; но этот человек был загипнотизирован. В этот транс погрузился тот, кто, по воле судьбы, жив и по сей день, чтобы произнести волшебное слово, которое разбудит спящего.

- Давайте на мгновение остановимся и оглянемся на пятьдесят лет назад, в течение которых это человеческое существо находилось в своем несостаривающем транс. И позвольте мне заметить, что я использую термин «несостаривающий» с осторожностью, поскольку гипнотизер убеждает меня, что тот вид транса, в который он погрузил этого человека, является гарантией от влияния времени на его личность.

- Итак, в то время, когда этот человек закрыл глаза в бессознательном состоянии, первые куски земли были извлечены золотыми лопатами из двух отверстий огромной скважины, известной как Всемирное метро. (Аплодисменты.) И в Нью-Йорке, и в Китае по устаревшей беспроводной телеграфии была возведена данная минута, а президент Республики и президенты Китая и Японии взмахнули орудиями, открывшими этот величайший проект. (Аплодисменты.)

- Люди трудились над задачей, которая в течение двадцати пяти лет откладывалась. Затем появились муглюги, примитивные муглюги, первоначально несовершенные механизмы, которые взялись за работу и выполняли ее днем и ночью с механической стойкостью. По мере совершенствования муглюги сменяли своих устаревших собратьев, и метро продвигалось к своему завершению вплоть до прошлого года, когда оно была открыта для движения. (Бурные аплодисменты.)

- Примерно в середине прошлого века произошла революция в способе приема пищи. Отказались от пережевывания пищи, и...

Линдли возглавил хор воплей, раздавшихся от колонитов.

- И, - продолжал оратор, взяв себя в руки и устремив взгляд на контингент колонии, - отвратительная привычка курить табак была полностью искоренена, за исключением тех отдельных случаев, когда неприятные обычаи тысячадевятисотников проникли в нашу среду.

- Вот теперь будьте добры! - пробормотал Морт.

- Проникли в нашу среду! - хмыкнул Рипли. - Я бы хотел, чтобы он погрузился в забвение и перестал мешать процессу.

- Вот зараза! - зевнул МакВильямс, - если он скоро не свалит, я попрошу у билетерши чек и с трубкой полезу на крышу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.